

Судьба флагмана 1-го ранга К. И. Душенова

А. А. Киселев

Константин Иванович Душенов погиб в возрасте 45 лет в пору сталинских репрессий. В канун ареста он был командующим Северным военно-морским флотом, депутатом Верховного Совета СССР первого созыва.

До этого он прошел славный боевой и трудовой путь: служба на крейсере «Аврора» в годы первой мировой войны, в гражданскую — заместитель начальника Волжской военной флотилии, командир Саратовского и Астраханского военных портов. Затем он служил в Севастополе и на Каспии, плывал капитаном учебного судна «Комсомолец», был начальником и комиссаром Военно-морской академии. Перед отъездом на Северный флот (В 1935 г.) руководил штабом Черноморского флота ¹.

Никто из авторов местных публикаций о Душенове не использовал статьи и опубликованные на Мурмане выступления самого командующего Северным флотом. А их немало и, самое главное, — они ярче, чем что-либо другое, характеризуют их автора ². Кроме материалов местной печати, мною использованы воспоминания сослуживцев Душенова по Северу, а также архивные документы.

1 апреля 1935 г. Душенов был назначен командующим Северной военной флотилией. Это было время становления нового оперативного морского соединения — Северного военно-морского флота. «Строительство военно-морских баз и аэродромов на Севере было сопряжено с большими трудностями. Люди работали в сложных климатических условиях. Пирсы, пристани, казармы, береговые батареи и другие военные объекты сооружались на гранитных скалах» ³. К этому надо добавить то, что увидел и о чем говорил Душенов по прибытии в Мурманск. Катастрофически не хватало людей, особенно строительных инженеров и техников. Недостаток же рядовой рабочей силы в строительных управлениях (их называли УНР — управления начальника работ) восполнялся колоннами заключенных, прибывающих сюда со всей страны. Они строили дороги к военным гарнизонам, аэродромы и другие объекты. Качество этого строительства, конечно, оставляло желать лучшего.

Что же касается сооружения главной военно-морской базы в Полярном, то Душенов привлек на помощь военным строителям всех, кого только мог. На строительстве складов, казарм, столовых, бани работали матросы с кораблей. На гражданских объектах — школе, детсаде и клубе — трудились члены офицерских семей. На субботники и воскресники выходил сам флагман 1-го ранга и его жена.

Душенов договорился об усилении шефской помощи со стороны строительных и культурно-просветительных организаций Мурманска. На военных объектах сис-

Киселев Алексей Алексеевич — преподаватель Мурманского государственного пединститута.

тематически недоставало стройматериалов, особенно цемента, кирпича, стекла. И тут, когда взаимообразно, когда безвозмездно, приходили на помощь тресты «Кольстрой» и «Мурманпещстрой».

Но главное было не в строительстве, а в наращивании мощи флота, в совершенствовании боевой подготовки, в освоении северных морей. Североморец В. А. Фокин вспоминал слова Душенова: «Плывать надо в наиболее сложной обстановке, но каждый выход надо сопровождать глубоким расчетом и глубокой подготовкой. Туман, «заряд», шторм надо сделать нашими союзниками». Душенов добился круглогодичной боевой подготовки Северного флота. Ранней весной надводные корабли и подводные лодки начинали отработку учебных задач в Кольском заливе и прибрежных водах, а летом и осенью совершали дальние плавания. Дивизион подводных лодок в 1935 г. ходил к Новой Земле, а в 1936 г. совершил дальний переход, продолжавшийся 45 суток. Эсминец «Карл Либкнехт» в 1938 г. провел в море 136 дней, покрыв расстояние в 14 тыс. миль.

Важнейшими событиями в жизни Душенова в 1937 г. были два: 11 мая его назначили командующим Северным военно-морским флотом, а 12 декабря избрали в Верховный Совет СССР. К этому времени Душенов стал своим человеком на Севере, у него появилась масса знакомых и друзей в Мурманске и области. Особенно — среди судоремонтников, ибо флот еще не имел своей ремонтной базы и использовал гражданские мощности.

На VI Мурманской окружной конференции ВКП(б) в мае 1937 г. Душенову, как, впрочем, и другим руководителям, избираемым в состав нового окружкома партии, устроили настоящий допрос: где родился, кем работают братья и сестры, есть ли среди них судимые, были ли отклонения в проведении генеральной линии партии? Особо провокационными показались Константину Ивановичу два вопроса — о жене, Адели Карловне, немке по национальности и школьном библиотекаре по профессии, и о пребывании командующего за границей. Душенов, разъяснял, что за жену он спокоен, она наш, советский человек. Отвечая на второй вопрос, он говорил, что ему в свое время пришлось бывать в Германии и Италии. (Это и дало впоследствии повод НКВД обвинить Душенова в связях с фашистской разведкой).

Но несмотря на многочисленные трудности дела у Душенова шли неплохо. Душенов был награжден еще двумя орденами: Красной Звезды в 1935 г. и Красного Знамени — в апреле 1938 года. Командующий флотилией, а потом флотом, пользовался огромным авторитетом у мурманчан: «По характеру это был волевой, требовательный, упрямый, порой жесткий и даже суровый человек. Он мог вспылить, взорваться. Но остывал быстро, извинялся, если чувствовал вину, ни в чем он не давал поблажки ни себе, ни другим»⁵. Подводник И. А. Кольшкин вспоминал: «Деловая строгость и жесткая требовательность Душенова органично сочетались с его демократизмом во внеслужебных отношениях с людьми, доступностью, доброжелательностью»⁶.

Однако наряду с наметившимися успехами в боевой подготовке, в обустройстве баз и гарнизонов, в сплачивании коллективов накапливались и огромные трудности, сложности и нерешенные задачи. Душенов, как никто другой, понимал, что для такого большого морского театра, как Баренцево море и прилегающие к нему воды, у него мало кораблей. К тому же большая часть их была устаревшей. Техническая отсталость флота очень беспокоила флагмана 1-го ранга, а громко говорить об этом или возмущаться этим было нельзя. Душенова как моряка старой флотской школы раздражала бытовавшая на Севере организационная неразбериха, личная недисциплинированность подчиненных. Он видел несрабатанность экипажей и команд: люди прибывали из многих мест, из разных флотов, из резерва, а времени на «притирку» не хватало.

Осложнилась обстановка «в верхах», в Генеральном штабе флота СССР, в Наркомате обороны. После убийства С. М. Кирова и новой волны борьбы с оппозицией НКВД стал усиленно искать врагов народа и в Северном военно-морском флоте. Начали собирать компромат на моряков — выходцев из «питерской аристократии». Так, арестовали командира бригады подводных лодок К. Н. Грибоедова, командира подводной лодки Л. М. Рейснера (брата Л. М. Рейснер). Некоторых арестовывали то ли из-за происхождения, то ли просто из-за иностранных фамилий (подводники Людвиг и Матиссен, начальник отдела штаба флота Сидер-Брок и др.).

Во флоте усилилась борьба с «вредительством», с «хлюпиками» и вообще

с недовольными. Подозрительность к мнимым «врагам народа» переходила в шпиономанию. Сыпались анонимки и прямые доносы. Недоверие друг к другу стало разлагать флотские коллективы.

Нужно отдать должное Душенову — он не верил большинству обвинений, не молчал, пытался заступиться за своих подчиненных, звонил в Ленинград А. А. Жданову, в Москву — в свой наркомат. Но его возмущение встречали неприкрытой холодностью и отчужденно, советовали не паниковать, а заниматься своим делом.

Между тем аресты все продолжались. Объявлялись врагами народа люди, с которыми Душенов дружил, работал или просто встречался. Так, был арестован командующий Черноморским флотом И. К. Кожанов. Душенов после ареста бригадного комиссара П. П. Байрачного понял, что петля уже заброшена и на его шею. Упования на то, что у него много заслуг перед советской властью, что он честен перед государством, народом и совестью, были слабым для него утешением. Доводы жены о том, что его не могут арестовать, так как он обладает депутатской неприкосновенностью, тоже опровергала жизнь — уже многие депутаты сгинули в застенках НКВД.

Все больше беспокойства у Душенова вызывали «домашние» дела — органы втихую стали интересоваться родственниками жены командующего, его двумя братьями. Мать, проживавшая с двумя сестрами Константина Ивановича на родине, в Вологодской области, в письмах сообщала о подозрительной возне вокруг их семьи.

В мае 1938 г. в Мурманске проходила партийная конференция, на которой присутствовало все руководство Северного флота во главе с Душеновым. Капитан 1-го ранга в отставке П. М. Клипп, тогда начальник политуправления флота, вспоминал: «21 мая. Второй день Мурманской городской партконференции. Вечернее заседание, я председательствую. Предоставил слово К. И. Душенову. Тепло встреченный, Константин Иванович произносит интересную речь. Все внимательно слушают. Вдруг ко мне подходит директор Дома культуры и потихоньку говорит: «Вас или товарища Душенова вызывает по телефону Москва». Нарком П. А. Смирнов предлагает мне и Душенову немедленно выехать в Ленинград для решения срочных вопросов. Я приказал адъютанту командующего приготовить проездные документы, билеты... Константин Иванович быстро закончил речь, и мы вышли из зала... Не успели войти в вагон, как поезд тронулся и повез нас навстречу нашей судьбе»⁷.

Поезд «Полярная стрела» отмерял километр за километром, а Душенова все больше мучил вопрос, зачем он так срочно понадобился. Еще большее беспокойство и даже душевное смятение вызвало появление военного коменданта станции Волховстрой и приглашение на телефонный разговор. Душенову было предложено пересесть на дрезину, которая его, мол, быстрее доставит в Ленинград. Вот на этой «быстроходной машине» Душенова и арестовали.

Душенов знал, что аресты не обойдут близких ему людей в Мурманске. Его жену и сына вместе с семьями других «врагов народа» взяли под арест в Полярном и спешно доставили на катере в мурманскую тюрьму НКВД. Дочь Байрачного впоследствии вспоминала: «В Мурманске маму и Адель Карловну Душенову сразу вызвали на допрос, а мы — я, брат Владлен и Юра Душенов — были оставлены в глухом темном коридоре под лестницей в здании НКВД. Мы долго сидели и уже засыпали, когда услышали шаги. По лестнице два часовых вели маму в камеру после допроса. Я бросилась к ней, и прежде чем меня, словно шенка, отбросили часовые, мама успела передать свою фотографию, немного денег, а также адрес родителей папы в городе Ростове-на-Дону. Больше маму мы не видели, свидания не дали, прощаться не разрешили. Поездом нас отправили в Ленинград в спецраспределитель, который находился на Кировских островах, в большой секретности под охраной часовых...»

А для Константина Ивановича начались допросы, очные ставки, многодневные ожидания. Схема обвинения была примитивна и проста: недостатки в боевой готовности флота, ремонте кораблей, в строительстве баз расценивались не иначе, как вредительство. Поездки за границу и наличие у жены родственников в Скандинавии связывались со шпионажем, разговоры о политике — с контрреволюцией.

В результате издевательств и избиений, пыток и обмана Душенов сломался и стал подписывать все, что сочиняли следователи. Так, он согласился с обвинением,

что, «являясь участником военно-фашистского заговора, проводил активную подрывную контрреволюционную работу, снижая боевую мощь РККФ». 25 мая он дал «собственноручные показания об участии в военно-фашистском заговоре», в который его, якобы, вовлек Кожанов: «В 1936 году, будучи уже командующим СВФ, я прибыл в Москву по вызову на заседание Военного совета наркомата обороны, — писал Душенов в показаниях. — Там мы встретились. Кожанов заявил мне, что желает поговорить со мной по серьезному политическому вопросу и поэтому просит посетить его в гостинице «Москва», где он остановился. Я согласился и в тот же день встретился с ним... Я без колебания дал ему согласие на участие в заговоре».

Вскоре следователи НКВД выявили и всех «участников военного заговора на Северном флоте» — их было более 30 человек, в том числе восьмерых, якобы, завербовал Душенов. Это — заместитель командующего Сынков, начальник штаба Смирнов, командир бригады подводных лодок Грибоедов, флагманский механик Лукашевский, флагманский артиллерист Александров, командир дивизиона миноносцев Фокин, начальник гидрографического отдела Шамшур, начальник связи Цветков. Так Душенов оговорил себя и других.

О пребывании Душенова в тюрьме, сначала ленинградской, а потом московской, осталось фактически одно свидетельство, принадлежащее уже упоминаемому Клиппу: «Прошло много месяцев. И вот однажды в тюрьме (в Ленинграде. — А. К.) на перекличке я встретил К. И. Душенова и начальника штаба флота П. С. Смирнова. Нас отправляли в Москву. Мы полагали — не иначе как для пересмотра «дела» и, следовательно, для освобождения. В Москве через четыре месяца мне довелось в последний раз увидеть Константина Ивановича, по его виду я понял, что надежд на скорое освобождение он уже не питает»⁸.

Узника внутренней тюрьмы НКВД в Ленинграде и камеры номер 220 в Лефортовской тюрьме морили голодом, не давали спать, мучили электросветом и многочасовым стоянием. Но как только Душенов пришел немного в себя, он отказался от прежних показаний. На вопрос нового следователя о том, «почему своим вербовщиком он назвал Кожанова, Душенов ответил, что сам он не называл Кожанова как своего вербовщика, эту фамилию ему подсказали на следствии». Когда же на судебном заседании зашел разговор о причинах происшедшего, Душенов разъяснил, что «следователь Авсеевич за отказ от показаний грозил мне новыми избиениями, и я не мог решиться на отказ»⁹.

Неблаговидную, а точнее, убийственную, роль в решении судьбы Душенова сыграли две технические экспертизы, проведенные московскими специалистами. Вот заключение одной из них, сделанное 23 сентября 1939 г.: «Неподготовленность флота к боевым действиям, необорудованность театра к войне, оторванность боевой подготовки флота от его основных задач, отсутствие необходимых (но возможных) запасов и низкая боевая готовность флота, являющиеся результатом деятельности Душенова, были направлены и могли привести к захвату противником Северного побережья СССР, а оставление открытым Белого моря давало возможность выхода противника в глубокий тыл Красной Армии». И вывод: «Душенов это делал со злым умыслом — умыслом предательства в случае войны»¹⁰.

На этом основании Душенов был обвинен по 58-й статье (пункт 16, пункты 7, 8, 11) Уголовного кодекса РСФСР (измена Родине, контрреволюционная деятельность и т. п.). 3 февраля 1940 г. суд приговорил Душенова к высшей мере наказания. На следующий день — 4 февраля 1940 г. — приговор был приведен в исполнение.

Флагман 1-го ранга остался в памяти россиян: улицы его имени есть в ряде городов, в том числе в Полярном и Североморске, его именем названы корабли. Дело его жизни продолжают внук Константин и правнук Артем.

Мурманчане тепло вспоминали Душенова в дни 50-й годовщины победы над гитлеровской Германией, ибо он, как никто другой, остро чувствовал приближение новой войны. Еще в 1937 г., незадолго до ареста, он предупреждал мурманских рыбаков: «Вы будете и ловить, вы будете и стрелять». И добавлял: «Придет время, и Мурманск с Архангельском будут спасать положение»¹¹. В том, что Северный флот с честью выполнил свою трудную и почетную обязанность в годы Великой Отечественной войны, сказалась кипучая деятельность Душенова по созданию флота и подготовке его к войне.

Примечания

1. Военно-морской словарь. М. 1990, с. 138.
2. Полярная правда, 10.VIII.1965; Рыбный Мурман, 1.IV.1983; Мурманский вестник, 23.VIII.1995; см. также: Полярная правда, 1.VII, 10.XII.1937, 23.II.1938.
3. Краснознаменный Северный флот. М. 1983, с. 69.
4. Красная звезда, 8.VIII.1965; Краснознаменный Северный флот, с. 72—73.
5. Не просто имя — биография страны. Кн. 2. Мурманск. 1989, с. 117.
6. КОЛЫШКИН И. А. В глубинах полярных морей. М. 1964, с. 102.
7. Военно-исторический журнал, 1965, № 1, с. 61—62.
8. Там же, с. 63.
9. Там же.
10. Государственный архив Министерства обороны, ф. П-2, оп. 1, д. 924, л. 63.
11. Военно-исторический журнал, 1965, № 1, с. 59.